

УДК 82:32
DOI 10.17223/18137083/55/8

О. А. Мамонтова

Сибирский государственный медицинский университет, Томск

Метасюжет переселения в Сибирь в творчестве Н. Д. Телешова

В конце XIX столетия в русской литературе появляется новый взгляд на миграцию крестьян в Сибирь, связанный с творчеством Н. Д. Телешова, И. А. Бунина, М. Горького, С. И. Гусева-Оренбургского и др., что позволяет поставить вопрос о метасюжете переселения в русской литературе. В работе описывается генезис, содержание и системные связи сюжета переселения в Сибирь в творчестве Н. Д. Телешова, в частности, в цикле рассказов «Переселенцы». В творческом сознании писателя переселение в Сибирь ассоциировалось с вавилонским переселением избранного народа, с одной стороны, и переселением праведников в Царство Небесное – с другой. Основанием для данных сопоставлений являются тексты писателя (рассказы «Между двух берегов» и «Хлеб-соль», набросок к сказанию «Пророк») и реализованные в них архетипические мотивы («жизнь и смерть», «утрата и обретение дома», «попранье и восстановление святыни»). Исследование сюжета переселения позволяет увидеть в творчестве Телешова 1890-х–1900-х гг. целостный период.

Ключевые слова: метасюжет переселения в Сибирь, мотивный анализ, реализм рубежа XIX–XX веков, Н. Д. Телешов.

Достаточно изученная в историческом и социологическом плане проблема русских переселенцев в Сибири не получила до сих пор должного освещения в отечественном литературоведении. В работах И. В. Столяровой, Н. Ю. Филимоновой, где в сопоставительном аспекте исследуется творчество Н. С. Лескова и Г. И. Успенского, переселенческая тема, интересовавшая в свое время писателей, указывается только в качестве попутной. Отдельного внимания заслуживает статья Л. Г. Беспаловой «“Переселение крестьян в Сибирь” в творчестве русских писателей», в которой, по сути, впервые имена писателей объединены данной тематикой [Беспалова, 1965], и монография И. А. Айзиковой и Е. А. Макаровой «Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона Рос-

Мамонтова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры основ медицинской терминологии и латинского языка Сибирского государственного медицинского университета (просп. Ленина, 36, стр. 29, корп. 5, Томск, 634050, Россия; lady_mamontova@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 2
© О. А. Мамонтова, 2016

сии 1860–1890-х гг.» [2009]. Следует отметить, что в данном исследовании переселение осмысливается глубоко и всесторонне как интегрирующая тема, вокруг которой завязывается литературный диалог. Между тем, художественная рецепция писателей и очеркистов находила самые разнообразные жанрово-стилевые формы (от лирических форм до прозаических циклов), где переселение становилось мотивом, сюжетом и даже метасюжетом. Целью данной статьи является выяснение генезиса мотива переселения, сюжетной схемы переселения в русской литературе рубежа XIX–XX вв., а также категориального статуса переселенческой рефлексии в творчестве Н. Д. Телешова.

На исходе XIX в. проблема переселения крестьян в Сибирь стала все больше занимать писателей как первого, так и второго ряда, организовывая своего рода «многоголосие русского литературного процесса» [Айзикова, Макарова, 2009, с. 7]. К данной проблеме в разное время обращались С. И. Турбин («Страна изгнания», 1872), А. И. Эртель («Переселенцы», 1876), С. Каронин (Н. Е. Петропавловский) («Как и куда они переселились», 1880), Н. И. Наумов («Роковая встреча», 1883; «Картинка с натуры», 1894), В. М. Михеев (стихотворение «Новоселы», 1884), К. М. Станюкович (псевдоним – Л. Нельмин) («В далекие края. Путевые наброски и картины», 1886), Г. И. Успенский («Поездки к переселенцам», 1888), Н. С. Лесков («Продукт природы», 1893), В. Л. Кигн-Дедлов («Переселенцы и новые места. Путевые заметки», 1894), Н. Д. Телешов («Переселенцы», 1894–1919), И. А. Бунин («На чужой стороне», 1893; «На край света», 1894), А. М. Горький («Для мира», 1896), С. А. Гусев-Оренбургский («Агасфер», 1901) и др. Образы переселенцев, наряду с образами ссыльных и арестантов, беглых и прочих «неизвестных» людей, были запечатлены в творчестве прозаиков, формировавших главным образом хронотопический образ Сибири и Урала. Таковы сочинения А. П. Чехова, В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевского, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.

Проблема переселения крестьян в Сибирь получила особую актуализацию в литературе конца XIX в. вследствие кризиса реалистической эстетики, перестройки жанровой системы, поисков нового содержания и форм, в частности нарратива, объединяющего собственно художественный, документально-публицистический и этнографический дискурсы. В произведениях с такого рода нарративом переселение осмыслялось главным образом на уровне темы, а образ переселенца рассматривался как один из национальных типов, наряду с образом рядового крестьянина, «маленького», «неизвестного» человека и т. п. В художественном плане такой подход к переселению приводил к вовлечению в литературу статистических, этнографических, исторических и пр. методов и материала. Подобную картину мы можем наблюдать в творчестве Г. И. Успенского, А. П. Чехова, А. И. Эртеля, К. М. Станюковича, В. Л. Кигна-Дедлова и др.

К середине 1890-х гг. в русской литературе появляется и другой взгляд на переселение крестьян в Сибирь, связанный с творчеством Н. Д. Телешова, И. А. Бунина, М. Горького и С. А. Гусева-Оренбургского. Данные писатели, несмотря на глубинные различия в творчестве и мировоззрении, актуализировали бытийный смысл акта переселения: у Горького это поэтизация подвига, у Бунина – рефлексия прощания с родиной как прощание с жизнью, у Гусева-Оренбургского – приравнивание переселения к вечным скитаниям Агасфера, у Телешова – к ветхозаветному переселению. Такое разнообразие сюжетно-фабульных реализаций одного и того же сюжета позволяет поставить вопрос о метасюжете¹ переселения в русской реалистической прозе конца XIX в.

¹ Под метасюжетом понимается сюжет, который встречается в произведениях различных авторов, фольклоре, а также в различных произведениях одного и того же писателя. Это «своего рода организованный контекст в виде структурированной истории, его форми-

В основе сюжета переселения лежит комплекс архетипических мотивов. В современном литературоведении существует несколько концепций происхождения мотивов. С точки зрения психологической теории (А. Н. Веселовский) мотив – это плод поэтического освоения мира первобытным человеком; с точки зрения мифологической теории (О. М. Фрейденберг) в основу мотивов и сюжетов легли первоначальные представления, основанные на геноморфизме, т. е. «на единообразии небесного, земного и человеческого» [Фрейденберг, 1988, с. 223]. Следует отметить, что реконструкция инвариантной схемы мотива переселения, восходящего, с одной стороны, к библейским, с другой – к мифо-ритуальным источникам, требует отдельного культурологического и литературоведческого исследования.

Прежде чем приступить к анализу сюжета переселения, необходимо указать на явление сюжетно-мотивного метаморфизма в литературе, о котором упоминает В. И. Тюпа: «В литературной практике многие традиционные мотивы могут быть развернуты в целые сюжеты, а традиционные сюжеты, напротив, “свернуты” в один мотив» [Тюпа, 2006, с. 172]. Вследствие этого достаточно трудно провести границу между мотивом переселения и сюжетом переселения, поэтому под мотивом переселения мы будем иметь в виду «некий микросюжет», выражаясь словами Е. М. Мелетинского, т. е. сам акт переселения как оставление старого дома, земли и движение к новому, сюжет же переселения – это объединение данного мотива с другими, смежными (свое и чужое пространство, жизнь и смерть и пр.) в более сложную организацию.

В аспекте мифо-ритуальной реконструкции мотива переселения речь идет об обрядах, направленных на космизацию нового пространства: засеивание поля, возведение алтаря или установление креста. По мысли М. Элиаде, «каждая территория, занятая с целью проживания на ней или же использования ее в качестве “жизненного пространства”, сначала преобразуется из “хаоса” в “космос”, то есть под воздействием ритуала ей придается некая “форма”, посредством которой она становится реальной» [Элиаде, 1998, с. 24]. С этой точки зрения структурная схема мотива переселения будет включать следующие элементы: тот, кто переселяется, пространство границы и новой земли. В исследовании О. М. Фрейденберг также можно уловить, что мотив переселения восходит к соляро-хтоническому мифу: «Олицетворенный мотив “плавающего” или “шествующего” солнца выразится в страннике, путнике, мореходе, но также и в спускающемся под землю или поднимающемся ввысь лице (акробате); здесь мотивы дадут путешествия, странствия на чужбине, уходы – приходы» [Фрейденберг, 1997, с. 224]. Таким образом, в аспекте мифо-ритуальной концепции мотив переселения связан с семантикой перехода от тьмы к свету, от хаоса к космосу. Этому вполне соответствует и другое архаическое представление о переселении как о переходе в иной, высший мир.

Мотив переселения является достаточно распространенным, одним из ключевых в Священном Писании, на страницах которого он разворачивается в целые сюжеты: начиная изгнанием людей из Эдема, переселением Авраама, египетским переселением и исходом избранного народа и заканчивая частными переселениями Ноемими, Руфи и др., а также библейской концепцией переселения праведников в Небесный Иерусалим. Таким образом, сюжет переселения обладает сложной схемой, объединяющей мотивные комплексы, и глубоким содержанием,

руют персонажи, история, происходящие с ними или по их инициативе события. Метасюжет существует в “отрыве” от отдельного произведения, писателя, вбирая в себя все, что попадает в его сферу: новых персонажей, события, персонажей, которые начинают интерпретировать эти события пр.» (Теория литературы: анализ художественного произведения. Словарь терминов. URL: <http://tezaurus.oc3.ru/docs/3/dictionary.php?label=%CC&word=%C%E5%F2%E0%F1%FE%E6%E5%F2>).

связанным как с философскими, метафизическими, так и с конкретно-историческими аспектами.

С нашей точки зрения, в творческом сознании Телешова переселение в Сибирь ассоциировалось с вавилонским переселением избранного народа, с одной стороны, и переселением праведников в Царство Небесное – с другой. Основанием для данных сопоставлений являются сами тексты писателя. Так, в его сибирском рассказе «Между двух берегов» (1903) офицер на палубе парохода, идущего по Иртышу, исполняет псалом-плач евреев о вавилонском пленении: «На реках вавилонских / там сидели мы и плакали, / когда вспоминали о Сионе...» (Телешов, 1956, т. 2, с. 201), Сибирь осмысляется как безрадостная чужбина, где человек оказывается против своей воли. Сибирское переселение соотносится именно с вавилонским пленом из-за общепринятой семантики сибирского хронотопа как места каторги, ссылки, смерти, т. е. наказания. С другой стороны, многочисленные аллюзии на евангельский сюжет о Мессии и Небесном Царстве прослеживаются в наброске к сказанию «Пророк», а также в рассказе «Хлеб-соль», включенном в цикл «Переселенцы».

Ветхозаветный сюжет о переселении евреев в Вавилон организован следующими структурно-семантическими дихотомиями мотивов: потеря дома и возвращение домой (в Израиль), преступление (грехи евреев против заповедей Бога) и наказание (Бог наказывает свой народ), попрание святыни (золотые принадлежности Иерусалимского храма внесены в языческое капище) и ее обретение, преступление и покаяние (в чужой земле евреи обращаются к Богу, псалом-плач евреев в вавилонском пленении), мотивами родной (Иерусалим и Израиль) и чужой земли (Вавилон). Отметим, что дихотомический статус взаимоотношений между данными мотивами определен как библейской метафизикой, соединяющей прошлое, настоящее и будущее в одну смысловую цепь через акт пророчества (пророческие книги Иеремии, Иезекииля и Аввакума), так и самим историческим переселением, которое имело насильственный характер. Набор действующих лиц и их функций в данных мотивах следующий: тот, кто переселяет/возвращает домой (Бог, высшая сила), кого переселяют (евреи – совмещение субъекта и объекта действия), за что (грехи/покаяние), пространственно-временные обстоятельства (своя и чужая земля).

Новозаветный сюжет о переселении как поиске и обретении Царства Небесного основан на противопоставлении земного и небесного миров. С точки зрения новозаветной концепции истинным Иерусалимом является не земной город, а «сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21: 2), обретаемый в процессе опять же не земного, а духовного пути. Основными мотивами в данном случае являются: мотив Небесного града, мотив духовного перерождения, мотив грядущего воссоединения человека и Бога, мотив брачного таинства.

Принципиально, что по новому пути эстетизации переселения как трагичного и вечного поиска «земли обетованной» Телешов пошел одним из первых, начав создание цикла рассказов «Переселенцы»². Верно указывали на его новаторскую

² Следует отметить, что рассказы, включенные в цикл, были по достоинству оценены критикой и писателями-современниками Телешова (Чеховым, Короленко, Горьким, Бунинным, Махаловым-Разумовским и др.) Так, С. Д. Разумовский следующим образом откликнулся на рассказ «Нужда»: «Спешу поздравить тебя с рассказом “Нужда”. По силе и изяществу я считаю его лучшим из всего, что печаталось не только у тебя, но и вообще в беллетристике о переселенцах» (Махалов, 1899, л. 16). Горький в январе 1901 г. писал Телешову из Нижнего Новгорода: «Нет ли у Вас еще “Елки Митрича” в отдельном издании? Эту вещь здесь часто читают в публичных чтениях, ребяташки ее очень любят и были бы рады получить в подарок...» [Горький, 1954, с. 145]. И. Бунин благодарил писателя

позицию исследователи советского периода: «В этом отношении Телешов идет дальше всех, кто так или иначе касался этой темы прежде, – дальше Бунина, дальше Успенского» [Пантелеева, 1987, с. 11]. Цикл рассказов Телешова «Переселенцы» – зрелое произведение в полном смысле этого слова. Его замысел возник у писателя еще во время путешествия по Сибири, а завершение приходится на 20-е гг. XX в. В дорожной тетради (1894) прозаик зафиксировал предположительную структуру произведения, эпиграф и основную идею будущего предисловия. В эпиграф должны были войти строки из поэмы Н. А. Некрасова: «Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка Русь!» Эскиз структуры будущего цикла выглядел следующим образом:

- «1. Вместо предисловия / Послесловие
2. Божьи дети а, b, c, d,
3. Сцены на Тюменском поле
4. С Богом» (Телешов, 1894, л. 200).

Данный набросок позволяет выявить изначальный замысел писателя – путевой очерк. На это прямо указывает и первоначальное заглавие «Самоходы (очерки из быта переселенцев)». Однако со временем замысел меняется: Телешов выбирает другое название – «Переселенцы», снимает эпиграф и характерные подзаголовки («Очерки из быта переселенцев», «Наброски из жизни сибирских переселенцев»), убирает предисловие и послесловие. Прозаик начинает формировать произведение не с очерковым нарративом и эксплицитным автором, но собственно художественное повествование.

В конечном итоге в цикл вошло шесть произведений («Самоходы», «Елка Митрича», «Домой», «Нужда», «Хлеб-соль», «Лишний рот»), образующих единство на разных уровнях: пространственно-временном (пограничный хронотоп: путь в Сибирь, река, поле, ночь, осень), композиционном (рамочная композиция), повествовательном (автор-повествователь и герой-повествователь), образом (образ перевозчика в рассказах «Домой» и «Хлеб-соль», образ сироты в рассказах «Елка Митрича», «Домой», «Нужда», образ умирающего старика в «Самоходах» и «Лишнем рте») и мотивном (мотив возвращения домой и смерти на чужбине в рассказах «Самоходы» и «Лишний рот», мотив покаяния святыни в рассказах «Самоходы», «Домой», «Нужда», «Лишний рот», мотив обретения дома и духовного перерождения в рассказах «Елка Митрича», «Домой», «Хлеб-соль»), но, главным образом, на уровне метасюжета о переселении.

Авторская трактовка сибирского переселения в цикле рассказов Телешова определяется взаимопроникновением ветхозаветной и новозаветной семантики. Формально цикл состоит из шести рассказов, но с точки зрения композиции метасюжета рассказы можно объединить в несколько блоков по принципу общности центральных мотивов:

1) мотивы переселения на новые места, возвращения домой и смерти на чужбине являются центральными в рассказах «Самоходы» и «Лишний рот», образующих композиционную раму цикла. Соответственно в метасюжете им отведена функция экспозиции-завязки и развязки;

2) мотив покаяния и обретения святыни (мотив отказа от своего ребенка и принятия сироты) является центральным во втором, третьем и четвертом рассказах («Елка Митрича», «Домой», «Нужда»). Роль данных рассказов – в развитии сюжета, раскрытии трагизма переселения и вины переселенцев;

3) мотив покаяния и поиск Небесного Царства организует сюжет и нарратив пятого рассказа «Хлеб-соль». На этот рассказ приходится кульминация мета-

за рассказ «Домой» и предполагал разместить рецензию на него в журнале «Южное обозрение» [Литературное наследство, 1973, с. 438].

сюжета, связанная с прорывом к истинной «обетованной земле», с духовным прозрением персонажа.

Характерно, что в названии цикла «Переселенцы» не актуализирован топоним Сибирь, за счет чего переселение заявляется не только как конкретно-историческая или культурно-национальная тема, но и как тема философская, психологическая. В конечном итоге она обретает символическое звучание. Автор цикла переводит мучительные поиски переселенцами нового дома, новой родины от конкретного, предметно-вещного сибирского пространства в иную плоскость и осмысляет ее как томление человека по воссоединению всего и всех в Боге: герой предпоследнего рассказа «Хлеб-соль», на который приходится кульминация метасюжета, грезит о таком месте, где бы «...вся Россия, весь народ православный, все до единого человека» собрался и услышал его мессианскую проповедь (Телешов, 1956, т. 2, с. 151).

Сосредоточенность автора на феномене переселения определяет специфику нарратива «Переселенцев». В рассказах «Самоходы», «Елка Митрича», «Домой», «Нужда» повествование ведется автором-повествователем, а в рассказах «Хлеб-соль», «Лишний рот» – героем-повествователем, который включает в свой текст и слово героев, Еремея и Григория, что уже выводит тип повествования на уровень сказа. Все это способствует созданию многоголосого звучания и объемной, изображенной с разных точек зрения картины мира.

Рассказ «Самоходы», открывающий цикл, композиционно соотносится с последним рассказом цикла «Лишний рот». В обоих произведениях в центре повествования находится история стариков, отправившихся со своими семьями на новые места и умирающих в пути. Оба произведения объединяет дихотомия мотивов переселение / возвращение домой. По мере того, как внешне герои рассказов все дальше продвигаются к новой земле (Устиныч впрягается в тройку с сыном и внуком и везет на себе повозку («Самоходы»), Тимофей находится в переселенческом лагере («Лишний рот»)), внутренне они все больше и чаще возвращаются на родину. В «Самоходах» возвращение происходит посредством воспоминаний и предсмертного бреда старика: «Вспоминаются ему и соседи, и старое разоренное гнездышко с раскосыми углами, с растасканной крышей, и хочется ему подняться сейчас же и бежать без оглядки назад, где нет уже ни зерна его, ни клочка земли, – а там пускай оставляет душа его грешное тело, пускай относят его в эту знакомую белую церковь и проводят на знакомый погост, на облюбованное местечко, по соседству с добрыми людьми – земляками» (Телешов, 1956, т. 2, с. 109). В рассказе «Лишний рот» возвращение домой происходит на фабульном уровне: произведение начинается с описания былых счастливых времен, когда Тимофей был молод и у него был дом и сад.

Номинация рассказа «Самоходы», с одной стороны, указывает на историко-социальный контекст (бедность Устиныча, заставившая его впрячься в человеческую тройку), с другой – актуализирует «самость» переселенцев (тот, кто ходит сам, своим ходом), с третьей – соотносит переселение с семантикой архетипического мотива тройки. Герои Телешова, запряженные в тройку, воспринимаются просвещенным читателем как русские люди, находящиеся в поисках идеального мира. Трагизм этого поиска заключается в векторе переселения: идеальный мир оказывается позади, что аллегорично соотносит телешовских переселенцев с ветхозаветными.

Дихотомия мотивов переселение / возвращение домой в метасюжете телешовского цикла определяет и пространственную оппозицию «своего» и «чужого», семантику которой составляют не только архетипические, мифологические смыслы, но и литературные, направленные на рецепцию хронотопа Сибири в русской литературе. Сибирь в произведении Телешова противопоставляется европейской России, образ которой идеализируется, наделяется чертами упорядоченного, кос-

мизированного мира, где все знакомо и любимо: «Ему (Семке. – *О. М.*) казалось, что нигде нет такого хорошего места, как Белое, и во всем свете нет такой хорошей реки, как Узюпка» (Телешов, 1956, т. 2, с. 123). В противовес этому сибирский хронотоп – это неупорядоченный, хаотический мир («Дело было в Сибири, на одной из грязных немощёных улиц большого города...» (Там же, т. 2, с. 158)), мир толпы, бараков и дорог, где даже природные объекты представляются инициальной зоной (топосы реки и поля).

В метасюжете телешовского цикла присутствует и дихотомия мотивов поспрашивание святыни / обретение святыни. Так, герои рассказа «Нужда» бросают своего больного ребенка на берегу реки, посягая на бытийные ценности. Первые две главы рассказа «Нужда» посвящены изображению внутренних терзаний Матвея и Арины. В третьей главе изображается переселенческая толпа и пробуждение в герое звериного, инстинктивного начала: «А вокруг него (Матвея, героя рассказа «Нужда». – *О. М.*) уже ревела толпа, точно буря; его теснили, толкали, напирали со всех сторон. Общее стихийное чувство тревоги и поспешности охватило внезапно и его самого; в нем пробудился затравленный зверь, настала пора спасать свою шкуру» (Там же, с. 143). Образ толпы усиливает адовую семантику пространства Сибири, так как толпа – одна из вариаций инвариантной категории архетипического Хаоса.

С другой стороны, в цикле Телешова происходит и обретение утраченных семейных, общечеловеческих ценностей: переселенческий сторож Митрич устраивает для сироток рождественскую елку в бараке («Елка Митрича»), а беглый каторжник спасает больного мальчика Семку ценой собственной свободы («Домой»). В данных произведениях запечатлен процесс восстановления разрушенных семейных связей, когда чужие друг другу люди оказываются ближе родственников (неслучайно Семка молится за Неизвестного, плачет по нему и все время зовет: «Дедушка! дедушка! Дедушка!» (Там же, с. 135)).

Мотивная дихотомия наказания и покаяния развивается в рассказе «Хлеб-соль». Муки перевозчика Еремея, «у которого сердце изнемогло да изныло, душа замутилась» (Там же, с. 153) по поводу всеобщей и собственной греховности, аллюзивно соотносятся с плачем евреев в плену. Объединяет эти сюжеты пограничный топос реки (евреи исполняют псалом-плач на реках вавилонских, а Еремей связан с сибирской рекой родом своей деятельности), пространство Бога (с точки зрения евреев, плен и переселение – это наказание Божье; по мысли Еремея, его хлеб так горек именно по Божьему установлению: «Истинно сказано в писании: проклята земля, – гаркнул он (Еремей. – *О. М.*), засверкав своими огромными глазами. – Со скорбью будешь питаться от нее во все дни; тернии и волчцы произрастит она тебе; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю!» (Там же, с. 150)) и пространство идеального мира (для евреев это Иерусалим, соотносящийся с сакральным Небесным Иерусалимом, для Еремея – это такое место, где бы «вся Россия, весь народ православный, все до последнего человека» услышали бы его мессианское слово (Там же, с. 151)). Образ Еремея воссоздается на фоне размышлений рассказчика о неумолимом движении времени, его имя восходит к древнееврейскому и означает «возвышенный Богом», что сближает его с именем ветхозаветного пророка Иереми и его плачем. Мотив плача, скорби перевозчика по вышнему граду представляется принципиальным, так как на уровне метасюжета он предвещает фабульное возвращение на родину, в мир гармонического прошлого в последующем рассказе «Лишний рот».

Таким образом, единство цикла рассказов Телешова «Переселенцы» видится в единстве метасюжета переселения, который восходит к ветхозаветному сюжету, организованному рядом мотивных дихотомий. Все это важно не только для пони-

мания места мотива переселения в системе литературных мотивов, но и для понимания функции библейского дискурса в эстетике писателя.

Если соотнести рассказ «Лишний рот», написанный в 1919 г., с творчеством Телешева тех лет (центральными жанрами в 1920-е гг. оказываются мемуары, биографические очерки), то смысловая незавершенность произведения вполне могла быть обусловлена размышлениями писателя о судьбе России в процессе ее духовного переселения: гармоническое прошлое, с его точки зрения, навсегда утрачено, а будущее, связанное с утопическими надеждами, еще не установилось.

Уникальность цикла «Переселенцы» видится в том, что писатель одним из первых художественно воплотил и эстетически осмыслил глубинную, восходящую к библейским источникам семантику сюжета о переселении. Единство цикла состоит не только в общей теме, структуре нарратива и стилевом исполнении, но и в метасюжете, имеющем экспозицию, развитие, кульминацию и развязку. Именно на уровне метасюжета, организованном рядом мотивов, переселение раскрывается не только как историческая или культурно-национальная проблема, а как бытийная.

Список литературы

Айзикова И. А., Макарова Е. А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: Проблема диалога. Томск, 2009. 266 с.

Беспалова Л. Г. «Переселение крестьян в Сибирь» в творчестве русских писателей // Земля Тюменская: Сб. Тюмен. обл. музея. Тюмень, 1965. Вып. 4. С. 53–63.

Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. . Т. 28. М., 1954. 599 с.

Литературное наследство: Иван Бунин / Под. ред. В. Г. Базанова, Д. Д. Благого, А. Н. Дубовикова и др. М., 1973. Т. 84: В 2 кн. Кн. 1. 696 с.

Пантелеева К. М. Н. Д. Телешов (1967–1957): Вступ. ст. // Телешов Н. Д. Записки писателя. Рассказы. М., 1987.

Столярова И. В. Н. С. Лесков и Г. И. Успенский // Русская литература. 1974. № 3. С. 76–94.

Тюпа В. И. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное изд. 2-е изд. Новосибирск, 2006.

Филимонова Н. Ю. Н. С. Лесков и Г. И. Успенский (1891–1892) // Русские писатели и народничество. Горький, 1977. Вып. 2. С. 75–84.

Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета // Монтаж. Литература, искусство, театр, кино. М., 1988.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. 448 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении / Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб., 1998. 258 с.

Список источников

Махалов С. Д. [С. Д. Разумовский]. Письмо Н. Д. Телешову от 22 марта 1899 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 239.

Телешов Н. Д. Дорожная тетрадь. Записи и дневник 1894 // РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 1. Ед. хр. 24(5). Л. 200.

Телешов Н. Д. На тройках М.: Тип. Сытина, 1895. 333 с.

Телешов Н. Д. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1956.

O. A. Mamontova

*Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation
lady_mamontova@mail.ru*

The metaplot of resettlement to Siberia in N. D. Teleshov's works

At the end of the XIX century in the Russian literature there appears a new view on the migration of peasants to Siberia connected with works by N. D. Teleshov, I. A. Bunin, M. Gorky and S. I. Gusev-Orenburgsky, etc. which makes it possible to raise the question of a resettlement metaplot in the Russian literature. The present paper describes the genesis, the contents and system communications of the plot of resettlement to Siberia in N. D. Teleshov's works, particularly in the cycle of stories «Immigrants». In the writer's creative consciousness the resettlement to Siberia was associated with the Babylon resettlement of the selected people, on the one hand, and the resettlement of the righteous persons to the Kingdom of Heaven, on the other. The grounds for these comparisons are the texts by the writer (the story «Between the Two Banks», a sketch to the legend «Prophet», the story «Bread-salt») and the archetypic motives realized in them («life and death», «loss and finding of the house», «violation and restoration of a shrine»). The research of the plot of resettlement makes it possible to see an integral period in Teleshov's works of the 1890s-1900s.

Keywords: the metaplot of a resettlement to Siberia, the motive analysis, the realism of the turn of the XIX–XX centuries, N. D. Teleshov's works.

DOI 10.17223/18137083/55/8